

1905 года главноуправляющий землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлер.

С точки зрения неприкосновенности права собственности, кутлеровский проект был абсолютно неприемлем. Частично он повторял положения реформы 1861 года, когда в пользу крестьян также отчуждалась часть помещичьей земли. Вместе с тем повторное отчуждение могло пошатнуть и без того непрочное утверждение о неприкосновенности частной собственности. Кутлер, по мнению Витте, очевидно, «...и сам понимал, что принудительное отчуждение, им предлагаемое, может отрицательно повлиять на теперешнее экономическое состояние России, но, по его мнению, это единственное средство устойчиво и не временно успокоить крестьянство»¹.

Тезис об «успокоении крестьянства» вытекал из того, что правительство акцентировало внимание на проблеме малоземелья — главной теме крестьянских наказов. Само по себе малоземелье было центром дискуссий и в бюрократической, и в научной среде. По этому вопросу существовали две точки зрения. Одни считали, что ликвидация малоземелья не приведёт к повышению агрокультуры крестьянства, но подорвёт уважение к понятию собственности на землю. Другие же полагали, что без устранения малоземелья говорить о повышении земледельческой культуры — равно как и о воспитании собственника — вообще нецелесообразно.

Очевидно, проблема малоземелья действительно существовала, особенно в нечерноземной России, однако правительство не имело права даже рассматривать этот вопрос в русле механического увеличения крестьянских земельных наделов. У крестьян вполне справедливо могло сложиться мнение, что необходимо лишь отстаивать свои требования — и помещики уступят всю землю. Так взамен успокоения деревни можно было получить ещё большую волну протеста. Поэтому правительство категорически отвергло кутлеровский проект, а сам главноуправляющий подал в отставку.

Если обращаться к проблеме правового обеспечения столыпинских преобразований, следует отметить, что реформаторы действовали в русле изменений, затронувших гражданское уложение, проект которого был подготовлен накануне первой русской революции. Столыпину было необходимо модернизировать саму структуру гражданского законодательства, правовая архаика которого проявлялась не только в языке гражданского законодательства, но и в самих его принципах, в том числе по отношению к праву собственности: деление имущества на родовое и благоприобретённое, крепостной порядок приобретения прав на недвижимость

(что затрудняло оборот недвижимости), ограничение наследственных прав женщин и т. д.

Важно отметить, что в начале XX века российская цивилистика переживала настоящий подъём. Особенно это касалось институтов собственности и владения. (Эти термины обозначают различные формы господства над вещью и не являются синонимами несмотря на то, что владение входит в понятие «собственность».)

Сущность владения можно понять из определения, которое давал ему Г. Ф. Шершеневич, а именно: «Владением называется фактическое господство лица над вещью, соединённое с намерением присвоить её себе»². Однако владелец — не собственник, так как может быть лишён возможности распоряжения или ограничен в распоряжении. Кроме того, он может не брать на себя всей меры ответственности и всех обременений, присущих и возлагаемых на собственника: налогов, перевода взыскания за долги, деликатной ответственности и т. д. Конечно, это упрощённое понимание владения, но его достаточно для того, чтобы понять, что владение и собственность — суть разные правовые институты³.

Мы не случайно остановились на этих понятиях, так как именно в рамках столыпинской реформы появились новые формы не только (и не столько) собственности, сколько владения.

До сих пор при анализе указа 9 ноября акцент делался на желании законодателя «вбить клин в общину». Более того, он назывался «Указом о черезполосном укреплении», ибо историки буквально трактовали ст. 1 указа⁴. Однако в контексте гражданского права такая критика несостоятельна, ибо укрепление земли без выдела в натуре и землеустроительного оформления по своей правовой конструкции — не что иное, как форма владения.

Подтверждением этой мысли служит выдержка из речи Столыпина, касающаяся того, что надельная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия: «...земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю»⁵.

Это было удобно и для крестьян, поскольку они имели гарантии от посягательств на их земли со стороны общины, но могли не порывать с нею, участвуя в хозяйственной жизни.

С 1908 года правительство берёт курс на сворачивание процесса долевого укрепления без выдела в натуре, а с 1910 года практически отказывается от него. Вместе с тем в законе 1910 года сохраняются отдельные элементы крестьянского земле-

устройства, возникшие именно на волне долевого укрепления. Например, теперь разрешалось передвигать ранее укрепленные участки (полосы) при выделении на хутор или отруб по усмотрению общины или выделяющегося.

Таким образом, критиковать указ 9 ноября за «черезполосное укрепление» нельзя, ибо он вводил в гражданский оборот новую форму владения — доленое укрепление без выдела в натуре, которая не только сохраняла земельный фонд от распыления, но и готовила почву для дальнейшей модернизации крестьянского правопонимания.

Помимо укрепления надельной земли без выдела, реформаторы предлагали ещё одну форму владения, которая получила название «право застройки на земле собственника»⁶. Как справедливо отмечают современные исследователи, это была классическая разновидность вещного права, однако абсолютно новая его форма для России. Суть его сводилась к следующему: «Собственник земельного участка может предоставить таковой под застройку другому лицу по договору на срок и за вознаграждение, обусловленные в сём договоре, согласно правилам, изложенным в последующих статьях»⁷.

Своё истинное значение право застройки приобрело тогда, когда земля стала объектом рыночных отношений. Цены на землю неизбежно росли — и на сельскохозяйственную, и на землю под застройку. Таким образом, те, кто не имел достаточно средств для приобретения земельного участка или для его качественного и количественного улучшения, получали возможность потратить деньги на постройку дома (ибо он стоил дешевле земли), выплачивая собственнику участка регулярные платежи.

Анализируя изменения в сфере частной собственности и владения, нельзя обойти вниманием проблему трансформации общинного землевладения.

Отметим: на начало XX века в определении самой общины и общинного права собственности присутствовала такая пунтица, которую не мог разрешить даже сам законодатель. Говоря кратко, община имела как бы внешние и внутренние функции. По отношению к крестьянам она являлась собственником земли или (по другому определению) союзом землевладельцев, а по отношению к верховной власти — только пользователем земли. Такому явлению нельзя было найти аналогии ни в одном Своде законов европейских государств!

Важно подчеркнуть, что Столыпин стремился сделать общину исключительно хозяйственным союзом лиц, убрав обременявшие её фискальные функции и предлагая на её место